

Новикова-Зарина Екатерина Ивановна

В плену у черкесов. Быль

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е45

Е45 **Екатерина Ивановна Н.**
В плену у черкесов. Быль / Новикова-Зарина Екатерина Ивановна – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 148 с.

ISBN 978-5-521-25390-6

ISBN 978-5-521-25390-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

На восточномъ берегу Чернаго моря расположилась крѣпость Анапа. Эта крѣпость въ 1781 году, по желанію Абдулъ-Гамида, была построена французскими инженерами и считалась образцовой.

Много разъ пытались русскіе овладѣть ею, но все напрасно,—храбрые черкесы отбивали всякое нападеніе. Наконецъ, въ 1828 году блокированная съ моря эскадрою черноморскаго флота, подъ начальствомъ Грейга, и съ суши атакованная отрядами, подъ командою Меньшикова, крѣпость Анапа послѣ кроваваго побоища была взята, и 9-го сентября 1829 года присоединена къ Россіи по Адрианопольскому трактату.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Перестройки, планировка улицъ, выстроенныя новыя казенныя зданія: казармы, госпиталь, Мѣновой дворъ—все это сдѣлало крѣпость неузнаваемой. Кромѣ семействъ военныхъ, наѣхало много жителей изъ другихъ отдаленныхъ мѣстъ;

появились лавки съ разными товарами; на одной изъ площадей выстроили красивую деревянную церковь, обнесенную бѣлою оградой; вокругъ посадили кусты сирени.

Жизнь въ крѣпости шла однообразно и для многихъ казалась скучной. Утромъ офицеры отправлялись на ученье, затѣмъ въ госпиталь навѣстить больного товарища или въ полковую канцелярію, гдѣ толковали о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, а вечеромъ сходились къ какому-нибудь офицеру поиграть въ карты.

Дамы проводили время своимъ порядкомъ. Утромъ—по хозяйству, затѣмъ шли цѣлой компаніей гулять на крѣпостной валъ или бродить по лавкамъ, разглядывая отъ нечего дѣлать разные товары. Послѣ обѣда непременно собирались у одной изъ полковыхъ дамъ, всего чаще у жены плацъ-маіора, гостепріимной, веселой Прасковьи Ивановны.

Молодежь играла въ разные игры, иногда танцевала.

Пожилыя дамы садились за вистъ или пересуживали ближнихъ. Въ часъ ночи подавался ужинъ, и всѣ затѣмъ расходились по домамъ, условившись заранѣе, гдѣ на слѣдующій день провести вечеръ.

Такая жизнь шла изо-дня-въ-день, изрѣдка нарушаемая только какимъ-нибудь необыкновеннымъ происшествіемъ. На этотъ разъ обыденный строй былъ нарушенъ пріѣздомъ въ крѣпость вдовы офицера Николая Николаевича Рюмина, Надежды Алексѣевны Рюминой.

Это была молодая, красивая, богатая вдова, двадцати восьми лѣтъ.

Покойный мужъ ея былъ однимъ изъ неустрашимыхъ храбрецовъ кавказскихъ, котораго черкесы

сильно боялись. Во время самыхъ опасныхъ экспедицій Рюминъ былъ всегда въ первыхъ рядахъ и всегда выходилъ побѣдителемъ. Благодаря его отчаянной храбрости и находчивости, было покорено разъ за разомъ нѣсколько ауловъ, и на черкесовъ была наведена паника, вслѣдствіе чего на нѣсколько лѣтъ водворилась кругомъ полная тишина и спокойствіе. Но вдругъ они снова поднялись и разомъ въ одинъ прекрасный день разграбили и сожгли двѣ станицы—Чудновскую и Никольскую. Чтобы усмирить горныхъ разбойниковъ, была назначена большая экспедиція подъ начальствомъ полковника Николая Николаевича Рюмина. Черезъ десять дней черкесы были усмирены, аулъ покоренъ, взято и приведено много плѣнныхъ, пригнано скота разнаго, въ томъ числѣ лошадей, захвачено нѣсколько сопетокъ *) меду.

Но никакая добыча не могла вознаградить той утраты, какую принесла эта экспедиція: Рюминъ былъ убитъ.

Отчаянію Надежды Алексѣевны не было границъ. Всѣ боялись, что она не переживетъ такого удара. Изъ Москвы была выписана ея мать, которая тотчасъ же увезла ее къ себѣ.

Братъ Рюмина, Павелъ Николаевичъ, бывшій въ то время еще поручикомъ, остался въ крѣпости.

Вотъ теперь, по прошествіи почти пяти лѣтъ вдовства, Надежда Алексѣевна пріѣхала на могилу мужа, въ Анапу, съ десятилѣтнимъ сыномъ Васей и остановилась у брата покойнаго мужа.

*) Сопетка—улей.

Вася былъ живой портретъ своего покойнаго отца, напоминая его не только лицомъ и фигурою, но даже и храбростію: въ то же время онъ унаслѣдовалъ отъ матери нѣжность и доброту. Онъ не могъ видѣть слезъ и готовъ былъ все отдать, лишь бы успокоить плачущаго. Страстный любитель животныхъ, онъ своими маленькими кулачками бросался зацѣпить всякое слабое животное, если видѣлъ, что его мучать. Ласковѣе, добрѣе Васи ребенка трудно было встрѣтить. Онъ сразу сдѣлался общимъ любимцемъ.

Изъ своихъ сверстниковъ Вася всего больше подружился съ сыномъ плацъ-маіора, Гришей, кроткимъ болѣзненнымъ мальчикомъ.

Домъ плацъ-маіора, одноэтажный, деревянный, весь утопалъ въ зелени. Крупныя, сочныя кисти винограда висѣли надъ растворенными окнами дома. Въ саду считалось больше двухъ тысячъ кустовъ различныхъ сортовъ винограда. Искусной рукой распланированный садъ былъ замѣчательно красивъ: множество виноградныхъ бесѣдокъ было въ немъ, и каждая носила свое названіе отъ сорта винограда: затѣйливые мостики были перекинута черезъ вырытые каналы; посреди сада была главная бесѣдка, круглая; въ этой бесѣдкѣ во время лѣтняго зноя любила сидѣть Прасковья Ивановна, принимать гостей и угощать ароматичнымъ кофе.

Во дворѣ дома возвышалась каланча. Каланча эта, построенная по приказанію коменданта крѣпости, была предназначена для осмотра съ нея окрестностей.

Прасковья Ивановна, какъ старшая полковая дама, давно жившая въ крѣпости Анапѣ, всѣхъ знала и помнила. Николай Николаевичъ Рюминъ еще хо-

лостымъ бывалъ у нея въ домѣ. Она была на его свадьбѣ, любила его жену и вмѣстѣ съ ней оплакивала смерть преждевременно погибшаго ея мужа. Съ восторгомъ встрѣтила она Надежду Алексѣевну, и старыя знакомыя вели безконечныя бесѣды о прошломъ, вспоминая подвиги и жизнь покойнаго Рюмина.

Въ это время Вася съ Гришей бѣжали по саду, взбирались на каланчу и оттуда бѣжали вперегонку.

— Ты видѣлъ когда-нибудь черкесовъ?—спрашивалъ Гриша.

— Нѣтъ, а что?

— Они страшные.

— Чѣмъ же страшные?

— Глаза такіе!—и Гриша приставилъ къ глазамъ своимъ сложенные кулаки,—а шапка такая!..—и онъ очертилъ на воздухѣ большой кругъ около своей головы.

Вася разсмѣялся.

— И только?—спросилъ онъ.

— Страшные!..

— Ты, видно, трусь. А я такъ ничего не боюсь. Я могу зарубить всякаго черкеса!—и Вася храбро подперъ руки въ бока.

— Чѣмъ? У него много оружія, а у тебя нѣтъ ничего. Нѣтъ, я не трусь! Къ намъ въ сѣни разъ забѣжалъ черкесь...

— Какой черкесь?

— Да плѣнный... Къ намъ въ крѣпость разъ привели много плѣнныхъ. Халимъ убѣжалъ отъ конвойныхъ да прямо къ намъ во дворъ и попалъ, да въ углу въ сѣняхъ и спрятался.

— А ты-то гдѣ былъ, что видалъ, куда онъ пробѣжалъ?

— У крыльца вонъ того игралъ,—и Гриша указалъ пальцемъ на широкое парадное крыльцо.— А вбѣжалъ-то онъ вотъ сюда, въ эти двери. Увидалъ я, какъ онъ вскочилъ въ сѣни,—я въ другія двери. Только что прибѣжалъ къ мамѣ да сталъ ей говорить, какъ у насъ въ сѣняхъ поднялся крикъ. Мама выбѣжала въ сѣни, и я за ней, ухватился за ея платье и стоялъ позади ея и все видѣлъ.

— Что же? Ну!—понукалъ Вася.

— Казаки нашли черкеса и вытащили изъ угла. Стоитъ онъ, блѣдный, какъ мука, дрожитъ, бритый, шапка въ крови, сбилась на бокъ, весь бешметъ изорванъ, запачканъ кровью, на щекѣ тоже видна кровь,—такой жалкій, такой жалкій... что я не выдержалъ и заплакалъ. А черкесь—на колѣни, билъ себя кулаками въ грудь, поднималъ руки кверху, говорилъ, что у него старушка-мать и сестра маленькая. Просилъ не убивать его. Это намъ переводчикъ объяснилъ.

— Ну, что же, отпустили его домой?

— Папа своей волей, безъ коменданта, не могъ и говорилъ, что нельзя его отпустить.

— Бѣдный! Вижу я, какая ты мямля!—сердито сказалъ Вася.

— За что?—обиженно спросилъ Гриша.

— Какъ же ты не упросилъ папу отпустить его! Я своего бы упросилъ. Развѣ твой не добрый?

— Нѣтъ, добрый, но онъ не можетъ самъ.

— Вздоръ! Все можетъ! А ты—кислятина, мямля! И говоришь-то какъ баба...—пренебрежительно добавилъ Вася и всталъ съ мѣста.

Гриша вострепнулся и тоже обиженнымъ голосомъ заговорилъ:

— Ты не дослушалъ... Я все хотѣлъ тебѣ сказать.

— Ну, говори!

— Когда папа отказалъ, мама и пошла къ коменданту, стала его просить, и я просилъ.

— И выпросилъ?

— Да, комендантъ отпустилъ. Ужъ какъ я былъ радъ! И мама тоже,—блеснувъ глазами, продолжалъ Гриша.—Отъ коменданта мы съ мамой пошли прямо въ казармы. Туда привели черкеса. Онъ стоялъ передъ нами и весь дрожалъ: видно, боялся чего-нибудь. Мама и говоритъ ему: „Ну, Халимъ, ты свободенъ. Ступай къ матери и сестренкѣ!“ Толмачъ ему перевелъ, что сказала мама. Вотъ, если бы ты видѣлъ, что съ нимъ тогда сдѣлалось! Вдругъ глаза его сдѣлались красны, какъ огненные, а слезы, слезы такъ и полились. Упалъ онъ на землю, сталъ цѣловать ее, на колѣняхъ приползъ къ мамѣ, схватилъ подолъ ея платья, сталъ его цѣловать, потомъ приложилъ руки къ груди, потомъ поднялъ ихъ вверхъ, а самъ, глядя на небо, началъ бить себя въ грудь кулаками и говорить. Толмачъ намъ переводилъ. Онъ просилъ Аллаха о здоровьѣ мамы и моемъ, клялся своею матерью, что никогда насъ не забудетъ. Мама дала ему серебряный рубль. Потомъ казаки отвели его къ полевымъ воротамъ и выпустили изъ крѣпости.

Разсказъ Гриши очень заинтересовалъ Васю, и онъ съ этого времени постоянно просилъ всѣхъ разсказывать ему о черкесахъ.

.

II.

Надежда Алексѣевна была довольна своей жизнью въ крѣпости Анапа: она весело проводила время, а ея мальчикъ, подружившійся съ Гришей, былъ здоровъ и радостенъ. Каждый день она гуляла вмѣстѣ съ нимъ по крѣпостному валу, ходила на батареи, любовалась видами, открывавшимися съ крѣпостного вала.

Она показывала сыну чуть виднѣвшіеся аулы, у подножья горъ, и рассказывала про подвиги его отца.

Когда Вася слушалъ рассказы матери, у него разгорались щеки, глаза блестѣли.

— Я отомщу имъ за папу!—твердилъ мальчикъ.—Я вырасту большой, буду офицеромъ и такимъ же храбрымъ, какъ папа. Пойду къ нимъ и отниму у нихъ всѣхъ плѣнныхъ. Я буду ихъ защищать...

— Защищать несчастныхъ—долгъ cadaго христіанина, но мстить кому бы то ни было, даже врагу—дурно, и ты, разумѣется, этого дѣлать не будешь, мой дорогой мальчикъ!

Вася обнялъ мать, крѣпко поцѣловалъ ее, прошепталъ ей на ухо:

— Ты не хочешь? Это дурно? Ну, такъ я не буду мстить, а только отниму у черкесовъ всѣхъ несчастныхъ, которыхъ они держатъ въ плѣну.

Однажды, бывши въ гостяхъ у Гриши, Вася узналъ, что на другой день въ крѣпость на Мѣновой дворъ пріѣдутъ черкесы за товарами.

— Какъ бы я хотѣлъ видѣть ихъ!—сказалъ Вася.

— Чего ихъ видѣть-то? Они—страшные, лучше не ходи!—убѣждалъ его Гриша.

Но Вася никакъ не хотѣлъ согласиться съ товарищемъ. Онъ скоро простился съ Гришей и ушелъ домой.

Дядя былъ одинъ дома, и Вася тотчасъ же приступилъ къ нему съ просьбой взять его завтра съ собой на Мѣновой дворъ.

Сначала Рюмину не хотѣлось этого, но усиленные просьбы ребенка поколебали его, и онъ согласился.

На другой день, часовъ въ семь утра, Рюминъ разбудилъ Васю, и они отправились на Мѣновой дворъ, находившійся около крѣпостныхъ воротъ со стороны поля. Этотъ сравнительно небольшой клочекъ земли былъ огороженъ частой и высокой рѣшеткой, черезъ которую невозможно было ни перелѣзть, ни передать что-либо, тѣмъ болѣе, что кругомъ всего забора постоянно стояли часовые, такъ же, какъ и вокругъ каменнаго флигеля, находившагося въ серединѣ двора. Въ этомъ флигелѣ помѣщались плѣнные черкесы.

Когда черкесы пріѣзжали въ крѣпость для какого-нибудь дѣла, то ихъ сначала за крѣпостными воротами обезоруживали, потомъ вводили въ этотъ дворикъ. За рѣшеткой дворика стояли обыкновенно комендантъ крѣпости или плацъ-маіоръ, иногда оба вмѣстѣ, и толмачъ (переводчикъ), постоянно находившійся при нихъ; онъ передавалъ коменданту, зачѣмъ пріѣхали черкесы. Тутъ же начинались переговоры.

Если черкесы были изъ мирныхъ, то обезоруженные, они свободно проходили черезъ дворикъ прямо въ крѣпость.

Тутъ же во дворикѣ производился обмѣнъ плѣнными (черкесы привозили нашихъ и брали своихъ) и товарами. Изъ товаровъ черкесы привозили медъ,

барановъ, курдючье сало, овечью шерсть, грецкіе орѣхи, иногда убитую козу; отъ насъ же брали преимущественно соль, деревянную посуду, разныя сукна для одежды, золотыя и серебряныя нитки, которыми обыкновенно вышиваютъ черкешенки свои чадры, кабардинки и черевики; также приобрѣтали и жемчугъ. Самое любимое ихъ украшеніе — жемчужныя серьги; чѣмъ богаче и почтеннѣе черкесь, тѣмъ серьги его длиннѣе и жемчугъ крупнѣе. Честь же и слава черкеса — добрый скакунъ и хорошее, въ дорогой оправѣ оружіе. Иногда самъ черкесь такой, что на него глядѣтъ непріятно; худой, въ рваной одеждѣ, но зато кинжалъ и шашка въ дорогой оправѣ и какъ жаръ горять.

Во дворикѣ, за рѣшеткой были уже три черкеса, приѣхавшіе съ товарами: они привезли медъ и шерсть.

Первый черкесь былъ молодой, статный. Его быстрые глаза перебѣгали съ предмета на предметъ. Онъ то и дѣло перекидывался отрывочными фразами съ другимъ черкесомъ, ходившимъ взадъ и впередъ по дворику мимо вооруженныхъ казаковъ, слѣдившихъ за нимъ. Это былъ высокій, здоровый старикъ, съ длинной крашеной бородой. Изъ-подъ его нахмуренныхъ густыхъ бровей глядѣли сердитые глаза. Ему было на видъ лѣтъ шестьдесятъ, не больше. Бѣлая шапка была надвинута молодецки на одинъ бокъ. Бѣлый чекмень, обшитый золотымъ позументомъ, былъ подпоясанъ дорогимъ серебрянымъ поясомъ.

Третій черкесь былъ лѣтъ двадцати. Лицо его было красиво и носило отпечатокъ какой-то затаенной грусти. Стоялъ онъ, прислонившись спиною къ углу флигеля, находившагося во дворикѣ, молча поглядывая на всѣхъ присутствующихъ. Бешметъ его былъ